

Петр Толочко

Повесть о походе Игоря Святославича в Ипатьевской летописи

Большую часть летописной статьи 1185 г. *Ипатьевской летописи* составляет «*Повесть о походе Игоря*». Содержательно она состоит из трех частей: собственно повести о неудавшемся походе Игоря Святославича в степь; описания последствий для южной Руси поражения новгород-северских дружин; рассказа о пребывании Игоря в половецком плену и его возвращении в Русь.

Согласно Б. А. Рыбакову, посвятившему анализу летописной «*Повести*» яркое исследование, она составлена из текстов разных авторов, к тому же плохо объединенных редактором¹. Первая часть (поход, две битвы) написана летописцем Рюрика, которого якобы выдают здесь подробности в описании маршрута похода, точная дислокация полков, имена князей и воевод, ход двух битв с половцами и восхваление рыцарской доблести Игоря². Вторая часть, рассказывающая об ужасных последствиях поражения Игоря для южной Руси и действиях Святослава Всеволодовича по организации обороны от половецких вторжений принадлежит перу летописца Святослава³. Третья часть «*Повести*» (плен и побег Игоря) написана без привлечения Рюриковой летописи. В ней нет признаков стиля ее автора, к тому же присутствуют фрагменты текста, недоброжелательного к Игорю, резко противоречащие содержанию и духу всего повествования. Да и сама третья часть внутренне противоречива. Особенно это будто бы проявлялось в отношении побега Игоря из половецкого плена. Один автор считал, что побег необходим, а другой — видел в этом неразумное мальчишество, объясняемое юностью князя⁴.

В целом, «*Повесть о походе Игоря*», по мнению Б. А. Рыбакова, составлена позднейшим редактором — доброжелателем Игоря — из текстов нескольких летописцев. Свое авторское участие он обозначил благочестивыми сентенциями, всегда благорасположенными к Игорю⁵.

Близкого мнения относительно источников Ипатьевского рассказа о походе Игоря придерживался также А. А. Зимин. Согласно ему, рассказ 1185 г. в *Ипатьевской летописи* состоит из фрагментов, взятых из трех летописцев:

1 Рыбаков Б. А. «*Слово о полку Игореве*» и его современники. М., 1971. С. 171–201.

2 Там же. С. 174.

3 Там же. С. 175.

4 Там же. С. 176.

5 Там же. С. 178.

черниговского, киевского и переяславского. Правда, в отличие от Б. А. Рыбакова, А. А. Зимин начало рассказа о походе 1185 г. приписал летописцу Игоря, средину (после пленения Игоря) — киевскому летописцу, сообщение о набегах половцев на Переяслав и Римов — переяславскому. Пребывание Игоря в плену и его побег описал черниговский летописец. Вся же «Повесть», согласно А. А. Зимину, составила в результате слияния трех источников только к концу XII в.⁶

В. Ю. Франчук полностью солидаризовалась с выводами Б. А. Рыбакова, поддержав их лингвистическими доказательствами. О составном характере «Повести», по ее мнению, свидетельствует, в частности, различное значение слова «Русь» в отдельных ее частях. В начале оно встречается в значении «русские воины», а в конце в значении «страна», «родная земля». Правда, в последнем разделе эта стройная закономерность в употреблении термина «Русь» нарушена. Здесь присутствуют и «Руская земля» и «Русь» в смысле «русские воины». В. Ю. Франчук, вслед за Б. А. Рыбаковым, склонна объяснять это результатом работы неопытного редактора всей «Повести»⁷.

По мнению А. Г. Кузьмина, рассказ о походе князя Игоря написан одним автором. Он, разумеется, носит следы позднейшего редактирования, но они очень незначительны.

«Весь основной рассказ — вся его канва с переходом от Святослава к Игорю, с описанием нападения половцев на Переяславль и Посемье, с сообщением о бегстве Игоря и его прибытии к Святославу в Киев — составляет более или менее современную запись, сделанную одним автором. Этот автор близок к Игорю и Святославу и вообще Ольговичам»⁸.

Кто же этот загадочный автор-редактор летописной «Повести о походе Игоря»? Б. А. Рыбаков не склонен был приписывать ее ни одному из двух великокняжеских хронистов. Летописец Святослава был благочестив и любил церковность, но не был сторонником Игоря; летописец Рюрика был расположен к новгород-северскому князю, но не был благочестив⁹. На этом основании Б. А. Рыбаков делает вывод, что «Повесть» писал кто-то третий. Наличие в тексте следов галицкого наречия указывает будто бы на его галицкое происхождение. Под 1205 г. в *Галицкой летописи* упоминается книжник Тимофей: «Бъ бо Тимофѣи в Галичѣ премудръ книжникъ»¹⁰. Таким образом, заключает Б. А. Рыбаков, «Повесть» могла быть написана Тимофеем по поручению летописца Рюрика Ростиславича. Наиболее вероятной датой составления «По-

6 Зимин А. А. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве». *История СССР*, 1968. № 6. С. 43–64.

7 Франчук В. Ю. О создателе версии похода князя Игоря на половцев в 1185 г. в Лаврентьевской летописи. «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 164–166; Ее же. *Киевская летопись*. К. 1986. С. 86–88.

8 Кузьмин А. Г. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» (по поводу статьи А. А. Зимина). *История СССР*, 1968. № 6. С. 64–87.

9 Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 183.

10 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 722.

вести» представляются годы 1189–1190, когда составитель мог воспользоваться летописями обоих соправителей, что после ссоры Рюрика и Святослава в 1190 г. сделалось якобы невозможным¹¹.

Версия красивая, но кроме авторского наития ее ничто не подкрепляет. Прежде всего это относится к предположению о заказе летописца Рюрика написать повесть о походе Игоря молодому галицкому книжнику. Свое произведение, как полагал Б. А. Рыбаков, он компоновал из трех рассказов об этом походе, принадлежавших перу самого заказчика, летописца Святослава и еще какого-то автора, недоброжелательного Игорю. Это заставляло бы предполагать, что все три варианта повести существовали вне состава летописи и ходили в виде отдельных тетрадей, либо, что полные рукописи летописей названных авторов тиражировались, и три копии из них были переданы в руки галичанина. Конечно, получить летопись Святослава или Рюрика, прервав над ними работу княжеских летописцев, не было совершенно никакой возможности. К тому же возникает естественный вопрос. Куда девались те части оригинальных рассказов, которые не вошли в повесть галичанина? Не могли же их уничтожить. Или все три летописца, как по заказу, написали только те фрагменты, которые затем вошли в повесть? Последнее выглядит еще более невероятно, чем предыдущее.

На предположение об авторстве *«Повести о походе Игоря»* натолкнули Б. А. Рыбакова некоторые языковые ее особенности. Это трактовка слова «победа» в смысле поражения, что является якобы характерной чертой галицкого наречия, а также наличие слов «уноты» и «днина», которые также встречаются в *Галицкой летописи*.

Посмотрим, насколько убедительны наблюдения Б. А. Рыбакова над текстами со словом «победа».

— «Се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ честь и славу»¹².

— «Азь (Игорь — П. Т.) по достоянью моему восприяхъ победу от повеления твоего, Владыко, Господи»¹³.

В первом случае никакого обратного смысла слова «победа» не имеет. Оно употреблено в самом прямом значении. Битвы еще не было, но половцев собралось так много, что, по мнению Игоря, победа заведомо должна была быть за ними. И на это была Божья воля.

Во втором тексте трактовка Б. А. Рыбакова возможна, но также маловероятна. Слово «победа» здесь не означает поражение. Речь идет о победе «от повеления твоего, Владыко, Господи», т. е. от Бога и именно она, «а не поганьская дерзость» сокрушила русских. Оттого Игорь и воспринял эту победу над ним со смирением, как наказание Бога за грехи его.

11 Рыбаков Б. А. *«Слово о полку Игореве» и его современники*. С. 193; Его же. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»*. М., 1972. С. 158–172.

12 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 640.

13 Там же. Стб. 649.

Практически во всех случаях летописцы рассматривают исход битв русских с иноплеменниками, как победу, отданную Богом одной или другой стороне¹⁴.

Аналогичные языковые стереотипы встречаются и в *Галицко-Волинской летописи*. Приведенное Б. А. Рыбаковым, как галицизм, выражение — «Бысть побѣда на вси князи Рускыя»¹⁵ — вполне воспринимается в прямом значении. В несколько перефразированном виде оно могло бы читаться, как «Бысть побѣжены вси князи Руские». Обратный смысл был бы, если бы летописец сказал: «Бысть побѣда всихъ князий Рускихъ», то есть их победа, а не над ними.

Еще один пример обратного значения слова «победа» Б. А. Рыбаков привел из летописной статьи 1268 г., где говорится: «И тако побѣдиша Ляховѣ Русь»¹⁶. Вряд ли и здесь корректно такое объяснение. Смысл сказанного прямой и предельно ясный: «Ляховѣ», т. е. ляхи, победили русских. Продолжение этой статьи также не содержит обратного смысла слова «победа»: «Ту же убиша оба сына тысяцкого, Лаврентѣя и Андрѣя, не мало бо показаста мужество свое и не побѣгоста братъ отъ брата, ту же прияста побѣднѣй конецъ»¹⁷. В более поздние времена сказали бы, что братья приняли героический конец. Конечно, ни о каком поражении здесь не может быть и речи. Братья не струсили, не бросили друг друга, но отдали свои жизни достойно, показав мужество.

Приведенные летописные выражения показывают, что ничего специфически галицкого в трактовке слова «победа» в них нет. Это общедревнерусская речевая черта. Б. А. Рыбаков исходил из свойственной современному русскому языку антонимической пары «победа — поражение»¹⁸. Древнерусский язык не знал слова «поражение» применительно к проигранной битве¹⁹, а поэтому летописцы всегда пользовались словом «победа» и производными от него²⁰.

14 Ср., напр.: в начале летописной статьи 1185 г.: «Господь ... дасть победу князема Рускыма»; 1103 г.: «И великое спасенье створи Богъ въ тѣ день, благовѣрнымъ княземъ Рускымы и всимъ хрестьяномъ, а на врага наша дасть побѣду велику»; 1111 г.: «Богъ вышній възрѣ на иноплеменники со гнѣвомъ, падаху предъ хрестяны, и тако побѣжены быша иноплеменници»; 1180 г.: «И приемше отъ Бога на поганяя побѣду» (*ИСПЛ*. Т. 2. Стб. 636, 254, 267, 623).

15 Там же. Стб. 745.

16 Там же. Стб. 867.

17 Там же.

18 Современный русский язык предполагает возможность двоякого исхода битвы для каждой из сторон: либо победу, либо поражение. Для древнерусского книжника исход битвы мог быть только одним для *обеих* сторон — «побѣдой» — за которую сражались и которая даровалась либо одной, либо другой стороне. То есть «побѣда» могла быть одной, как одним оказывался ее владелец «побѣдитель», тот, кто ее «сотворилъ», «показаль», «прияль», на кого возлагал ее промысел.

19 Хотя среди значений глагола «поражати/поразити» есть *побеждать/одолевать, победить/одолеть*, для существительного «поражение» И. И. Срезневский указывает только значение *стук, удар* (см.: Срезневский И. И. *Материалы для словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникам*. Т. 2. СПб., 1895, s. v.) Поражение — это победа, отданная противной стороне.

20 Доступный Б. А. Рыбакову словарь И. И. Срезневского едва ли мог проинструктировать историка в правильном направлении, так как среди значений «побѣда» указывает только два — собственно *победа* и *война* (см.: Срезневский И. И. *Материалы для словаря*

К особым приметам галицкого наречия Б. А. Рыбаков отнес слова «уноты» и «дьнина», с чем также трудно согласится. Первое слово в форме «юноты» (ед. «юнота») известно древнейшим памятникам старославянского языка²¹, в форме «уноты» (ед. «унота») — восточнославянским текстам²², а кроме того, в различных вариантах многократно встречается на страницах *Киевской летописи*, будучи обычным обозначением юноши. Второе, в самом деле редкое, вероятно, может быть вообще южнорусизмом²³. Кроме того, ссылки на более поздние тексты не совсем корректны для поиска исходных форм. Если бы *Галицкая летопись* была старше *Киевской*, тогда можно было бы говорить о галицких заимствованиях, здесь же скорее следует утверждать обратное. Мы же знаем, что галицкие и волынские летописцы пользовались *Киевской летописью*.

В летописной статье 1205 г., сообщающей о мудром книжнике Тимофее, есть любопытное замечание, что родом он из Киева: «Отечество имѣя во градѣ Кыевъ»²⁴. «Мудрым» он мог стать уже в Галиче, но воспитание и книжную образованность несомненно получил в Киеве. Поэтому искать в летописи галицизмы и на этом основании высказывать предположение о принадлежности текстов Тимофею вряд ли продуктивно. К тому же если учесть, что летописанием он занимался до 1228 г., трудно предположить, чтобы к 1187–1189 гг. он уже был галичанином и каким-то образом вновь оказался в Киеве.

Наблюдения В. Ю. Франчук над употреблением в *«Повести»* слова «Русь», в первой части в значении «русские полки» или «русичи», а в третьей — в значении «Русская земля» или «родная земля», но также и в значении «русские люди», практически ничего не дают для определения авторства как отдельных частей, так и всего рассказа. Практически с первых страниц летописи этот

древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1895, s. v.) Новейший словарь фиксирует два значения: 1) победа и 2) поражение, состояние побежденного (см.: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* / под ред. И. С. Улуханова. Т. 6. М., 2000, s. v.) Как свидетельствуют приведенные там же примеры из переводной литературы, словом «побѣда» передавали оба результата борьбы — и победу, и поражение. Это несомненно указывает на то, что такое словоупотребление было общей нормой, не только восточнославянской и не только для летописных текстов. Хотя «Старославянский словарь» не фиксирует за словом «побѣда» обоих значений (вероятно, в силу ограниченной выборки текстов), второе значение можно предполагать. В старославянском языке аналогичные значения и победы, и поражения имело слово «побѣждение» (см.: *Старославянский словарь (по рукописям X — XI веков)* / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Изд. 2. М., 1999, s. v.)

21 *Старославянский словарь (по рукописям X — XI веков)*, s. v. «юнота, -ы».

22 Срезневский И. И. *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*. Т. 3. СПб., 1903, s. v. «унота», юноша.

23 Кроме статьи 1185 г. *Киевской летописи*, оно употреблено только раз в *Галицко-Волынской* под 1258 г. Но в тождественном смысле *дня, светлого времени суток* оно известно и в Пандектах Никона Черногорца по рукописи XIV в. (см.: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* / под ред. Р. И. Аванесова. Т. 3. М., 1990, s. v.) Здесь, вероятно, Б. А. Рыбакова также ввел в заблуждение И. И. Срезневский, отметивший только два первых случая (см.: Срезневский И. И. *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*. Т. 1. СПб., 1893, s. v.)

24 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 722.

термин употребляется в обоих значениях — народа и земли — причем в одних и тех же текстах²⁵.

Для подтверждения предположения Б. А. Рыбакова о том, что летописцем Рюрика Ростиславича мог быть Петр Бориславич и, следовательно, именно ему принадлежит первая часть «*Повести*», В. Ю. Франчук приводит такой лингвистический аргумент, как наличие в тексте полногласного существительного «веремья». С ним можно было бы согласиться, если бы кроме Петра Бориславича эта форма больше никем не употреблялась. Но мы же знаем, что кроме «летописи Изяслава Мстиславича» в этой же форме слово присутствует в летописном своде Печерского монастыря, который создавался, надо думать, под присмотром игумена Поликарпа. Кроме того, не исключено, что автор «*Повести*» мог воспользоваться уже готовым словесным клише. Выражение «да или поѣдете борзо, или возворотися домовъ, яко не наше есть веремья» очень напоминает обращение киевлян к Изяславу Мстиславичу: «А ныне не твое веремья, поѣди прочь»²⁶.

Из сказанного видно, что лексико-фразеологические аргументы Б. А. Рыбакова и В. Ю. Франчук не могут служить доказательством коллективного авторства «*Повести*». В реальной жизни все было проще. «*Повесть*», хотя и состоит из трех «частей», стилистически и содержательно представляет собой цельное авторское произведение. Исследователи, вероятно, принимали различные сюжетные линии единого повествования за фрагменты различного авторства. В нем, по существу, два основных героя: Игорь и великий киевский князь Святослав Всеволодович. Событийная ее канва как бы вписана в рассказ о деяниях Святослава. Начало статьи 1185 г. говорит о победе Святослава и Рюрика над половцами за Хоролом, затем об успешном походе Романа Нездиловича, посланного с берендеями «на поганѣхъ половцѣхъ» великим князем. После этой второй победы Святослав спокойно отправляется в Корачев, «орудий дѣля своихъ».

«Отправив» Святослава во Вятичи, летописец начинает повесть о злоключении Игоря. Вся ее первая часть как бы укладывается во время путешествия великого князя на северо-восток Руси. Окончив рассказ о поражении новгород-северских дружин, летописец вновь отмечает, что Святослав в то же самое время собирал силы «от верхних земель» для нового похода на половцев. По возвращении в Русь, возле Новгорода Северского, он узнает, что Игорь, «утаившеся его», пошел на половцев. В Чернигове его настигает весть о разгроме Игоревых полков и пленении его самого.

25 912 г. «В лѣто 6420. Посла Олегъ мужи свои построити мира, и положити ряды межѣ Гръкы и Русью»; «да аще в кое время елико ихъ придет, и хотяте оставити у царя вашего, своею волею да будутъ о Руси о полонѣхъ многажды от коея страны пришедшимъ в Русь» (*ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 23, 27). В более поздних летописных текстах существительное «Русь» употреблялось чаще в значении «Русская земля», однако встречается и в значении «русские люди». 1229 г. «Створиша же межѣ собою клятву Русь и Ляхове» (Там же. Стб. 757).

26 Там же. Стб. 401.

Дальше, оставив на время Игоря, летописец, сообщает об энергичных действиях Святослава Всеволодовича по организации обороны южной Руси, а также и о тех драматических последствиях, которыми обернулось для нее легкомыслие Игоря. Завершается *«Повесть»* известием о том, как сбежавший из половецкого плена Игорь прибывает в Киев к великому князю Святославу. Рюрика Ростиславича, который также был великим князем, в *«Повести»* нет. Последующие статьи также принадлежат летописцу Святослава.

Таким образом, у нас нет оснований считать, что хотя бы какая-то часть *«Повести»* написана «летописцем Рюрика Ростиславича». Приметы, о которых сказано выше, не могут быть отличительной особенностью только его стиля. Они продиктованы не какой-то особой манерой письма, а характером события. Рассказать о военном походе без того, чтобы не указать состав его участников, маршрут движения, место и ход сражения, не смог бы ни один летописец. К тому же, не будучи участником похода, он всецело зависел от информатора. Таковым, вероятнее всего, мог быть Беловолод Просович, спасшийся во время битвы на Каяле и прибежавший к Святославу Всеволодовичу с трагическим известием. *«Прибъже Бьловолодь Просовичъ и повѣда Святославу бывшее о Половцѣхъ»*²⁷.

Можно предположить, что одним из слушателей этого рассказа был летописец Святослава, который и осуществил его литературную запись. Он свидетель того, как Святослав, выслушав Беловолода, тяжело вздохнув и вытерев слезы, произнес такие слова: *«О люба моя братья и сыновѣ, и мужѣ землѣ Рускоѣ, дал ми Богъ притомити поганья, но не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю»*²⁸.

По существу, мысль о том, что легкомысленный поход Игоря на половцев обернулся злом для Русской земли, отчетливо проведена летописцем и в первой части *«Повести»*. Зная об отношении Святослава к Игорю (*«жаль ми бяшетъ на Игоря, тако нынѣ жалую болми по Игорѣ»*), летописец вводит в текст покаяние новгород-северского князя. В нем тот исповедуеться перед Богом в своих грехах, которые считает столь большими, что и жить после их свершения не стоит: *«Рече Игорьъ:»* недостойно ми бяшетъ жити, и се нынѣ вижю отмѣстье от Господа Бога»²⁹. Стилистически покаяние Игоря целиком соответствует манере летописца Святослава Всеволодовича, идеологически созвучно второй части *«Повести»*, где великий князь нелюбезно отзываясь о легкомысленном поступке Игоря. Собственно, позиция Святослава, по-видимому, и спровоцировала летописца на сочинение такого покаяния. Не исключено, однако, что покаяние не является исключительно плодом воображения летописца. Об этом своем состоянии мог поведать и сам Игорь в беседе со Святославом Всеволодовичем в Киеве, после возвращения из плена.

27 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 645.

28 Там же.

29 Там же. Стб. 643.

Б. А. Рыбаков считал, что вставки с благочестивой риторикой не могут принадлежать летописцу Рюрика, однако и к авторству летописца Святослава их не отнес. Он полагал, что их сделал третий автор, вероятно составитель и редактор «*Повести о походе Игоре в 1185 г.*»³⁰. Согласиться с этим совершенно невозможно. Благочестивых выражений в «*Повести*» так много, что если бы мы попытались представить первоначальный текст без них, он бы просто разрушился.

Об авторстве второй части Б. А. Рыбаков высказался однозначно. Конечно, это летописец Святослава. Странно только, что он не заметил в ней не только содержательного, но и стилистического повтора с первой частью о последствиях поражения Игоря для южной Руси.

Первая часть:

«Гдѣ нынѣ возлюбленыи мои брать, гдѣ нынѣ брата моего сынѣ, гдѣ чадо рожения моего, гдѣ бояре думающеи. Гдѣ мужи храборствующеи, гдѣ рядѣ польчныи, гдѣ кони и оружья многоцѣнная, не ото всего ли того обнажихся»³¹.

Вторая часть:

«И бысть скорбѣ и туга люта, яко же николи же не бывала во всемъ Посемьи и в Новѣгородѣ Сѣверскомѣ и по всеи волости Черниговьскойи, князи изымани и дружина изымана, избита и мятяхуться аки в мутве»³².

Нет сомнения в том, что эти взволнованные слова о драматических последствиях поражения новгород-северских дружин на Каяле принадлежат одному автору. Так же, как и благочестивые заклинания, что эти испытания посланы Богом за грехи наши.

Первая часть:

«Се возда ми Господь по безаконию моему и по злобѣ моеи на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою»³³.

Вторая часть:

«Се Богъ казня ны грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганья, не аки милуя ихъ, но насъ казня»³⁴.

30 Рыбаков Б. А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игоре»*. С. 175.

31 Там же. Стб. 643–644.

32 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 645.

33 Там же. Стб. 644.

34 Там же. Стб. 648.

Не выпадает из общей тональности и третья часть «*Повести*». Б. А. Рыбаков полагал, что рассказ о свободной и привольной жизни Игоря в половецком плену резко диссонирует со всем предшествующим описанием результатов его похода для новгород-северских и черниговских земель. Если бы автор описания жизни Игоря в половецком плену был единомысленен с автором основного текста, то ему лучше было бы умолчать о привольном житье половецкого пленника³⁵. Конечно, на фоне того горя, которым обернулся поход Игоря для Руси, рассказ о добром к нему отношении победителей не прибавляет образу князя положительных черт. Но ведь летописец писал повесть, а не политический портрет³⁶. Он и в первой части был в такой же степени объективен. Через покаяние Игоря напомнил современникам, что тот вовсе не был образцом благочестия. Вместе с союзными ему половцами он взял на щит город Глебов возле Переяславля и принес множество страданий его жителям. «Тогда бо не мало зло подъяша безвиннии хрестьяни»³⁷.

Первая часть:

«Рече Игорь не достойно ми бяшетъ жити. И се нынѣ вижю отмѣстье от Господа Бога моего»³⁸.

Третья часть:

«Азь по достоянью моему восприяхъ побѣду от повеления твоего Владыко Господи Не жаль ми есть за свою злобу прияти нужная вся»³⁹.

Это только так кажется, что в одной части «*Повести*» летописец благоволит Игорю, а в другой относится к нему критически. В действительности, отношение к Игорю одинаковое во всех частях. Оно находится в полном соответствии с оценкой Игоревго поступка Святославом Всеволодовичем. Рассказ о «привольном житье» Игоря в половецком плену не должен восприниматься как попытка его дискредитации, что казалось Б. А. Рыбакову. Наоборот, летописец доволен достойным положением князя в плену. В первой части он отмечает, что за раненого Игоря поручился хан Кончак, а в третьей говорит, что его беспрекословно

35 Рыбаков Б. А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»*. С. 176.

36 Это не противоречит и фактической стороне дела: Игорь и Кончак были давними знакомцами. Под 1180 г. *Киевская летопись* отмечает их особенно близкие отношения (во время осады Киева Кончак просил Святослава, чтобы Игорь присоединился к половецким отрядам на Долобском озере), тогда же после разгрома Игорь спасался бегством, «с Кончакомъ въскочивша в лодью». Здесь же упомянуто о смерти Елтута, брата Кончака, и пленении двух сыновей Кончака (*ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 621–623). Так что знакомство Игоря с этой семьей было основательным и детальным.

37 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 643.

38 Там же. Стб. 643.

39 Там же. Стб. 649.

слушались и уважали даже половецкие стражники: «Бесь прѣ творяхуть повелѣное им»⁴⁰.

Не следует приписывать двум различным авторам и рассказ о душевных терзаниях Игоря относительно побега из половецкого плена. Разве не естественно его желание бежать в Русь и сомнение в рыцарственности такого поступка? Игорь ведь был пленен не один и ему небезразлично, что могли подумать о нем его дружинники. «Азь славы дѣля не бѣжахъ тогда от дружины, и нынѣ не славнымъ путемъ не имамъ поити»⁴¹. К тому же, Игорь получал неоднозначные советы относительно побега. Сын тысяцкого и конюший горячо поддержали его, сославшись на волю Бога, тогда как «думци» назвали его мысль «высокой» (самонадеянной) и неугодной Богу. Они резонно замечают князю, что этот побег может закончиться его поимкой и избиением пленных. И тогда «не будетъ славы тобѣ, ни живота»⁴².

Мысль о побеге в летописи связывается с юностью князя. Б. А. Рыбаков видел в этом стремление летописца дискредитировать Игоря. Слово «уный» будто бы не приложимо к тридцатипятилетнему князю. Но ведь во второй части это слово уже было приложено к нему. Святослав Всеволодович назвал поход Игоря в степь «невоздержанием уности». Ничего в этом оскорбительного для новгород-северского князя нет. По сравнению со Святославом он конечно же был «уным» и по годам, и по занимаемому положению. Однако какой бы смысл не вкладывался в это слово, произнес его, видимо, один и тот же летописец.

Подробный рассказ о подготовке и побеге Игоря свидетельствует, что он сам был информатором об этом драматическом событии. Только он мог знать о тех душевных муках, которые терзали его перед принятием им решения о побеге. Только он мог рассказать о том, как вместе с половчином Лавром они скакали на лошадях через половецкие становища, а затем, загнав коней, одиннадцать дней шли пешком до города Донца.

Лицом, слушавшим рассказ Игоря Святославича и записавшим его, мог быть только летописец Святослава. Вывод этот совершенно отчетливо вытекает из заключительных фраз «*Повести*». Из Новгорода Северского Игорь направился к брату Ярославу в Чернигов, а затем к великому князю Святославу в Киев: «Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву к великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ»⁴³. В самом конце летописной статьи 1185 г. сказано, что прибытию в Киев был также рад и Рюрик, однако эти слова являются несомненно позднейшей вставкой.

Среди дополнительных аргументов в пользу авторства «*Повести*» Тимофея, Б. А. Рыбаков приводит и тот, что литературно она получилась нескладной, очевидно по молодости и неумению ее автора. Разделить этот вывод нельзя.

40 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 649.

41 Там же. Стб. 650.

42 Там же.

43 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 651.

Повесть отличается ясностью и логичностью изложения, образностью литературного мышления автора: «И все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшую, живии мертвымъ завидят». Бояре у летописца «думающие», мужи «храбрствующие», оружие «многоценно». Ничего общего с галицким летописанием «*Повесть*» не имеет. Конечно, она не выдерживает сравнения со «*Словом о полку Игореве*» — высокой меркой, которою ее, очевидно, и мерил Б. А. Рыбаков, — но, безусловно, одна из лучших в ряду летописных повестей.

Церковная фразеология выдает в авторе духовное лицо. И определенно «*Повесть*» написал не юноша, которому многие изречения, присутствующие в ней, не могли бы и в голову прийти. Это умудренный опытом летописец Святослава Всеволодовича, огорченный, как и его князь, юношеским легкомыслием Игоря. В последующем она не избежала, вероятно, редакторских вмешательств, но считать ее плодом изначального коллективного творчества нескольких, к тому же идеологически разных, летописцев нет оснований.

Інститут археології НАН України